

7. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 98.

8. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 285.

9. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 286.

10. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 25. — Спр. 289.

11. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 37. — Спр. 105.

12. НГАБ. Фонд 136. — Воп. 37. — Спр. 148.

13. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. — М.: РОССПЭН, 2004. — 368 с.

Корень Елена Васильевна

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
(Гомель, Беларусь)*

ДЕКАБРИЗМ В РЕФЛЕКСИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В. ОБ ИСТОКАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

Интеллигенция революционной эпохи усиленно размышляла об истоках революционных настроений в России. Политическое наследие декабристов было одним из предметов этой рефлексии, его влияние на развитие русской общественно-политической мысли в самом широком спектре: от либеральных до самых радикальных течений.

К декабристам стремились возвести свои традиции влиятельные политические силы. После революции 1905 г. к делу декабристов обратились многие историки и публицисты. Одни искали истоки современных для них революционных движений. Другие стремились навязать декабристам программные и тактические формулы своего времени [1, с. 82—83]. Третьи обвиняли декабристов как зачинщиков революции. «Если генеральский суд времени Николая I осудил его [декабриста, — прим. Е.К.] однажды, то дважды и трижды могло осудить его память интеллигентское судилище времени Николая II», — заметил Г. В. Вернадский [2, с. 83].

В декабристах видели своих предшественников, как левые революционеры, так и умеренные либералы. Г. В. Плеханов прослеживал в развитии революционной мысли в России линию от декабристов к социал-демократам. Однако он заметил, что последним, в отличие от декабристов, удалось найти программу действий, обеспечивающую поддержку народных масс [3, с. 47—51]. В. И. Ленин считал себя в определенной степени наследником декабристов [4, с. 498, 500—502]. Секретарь IV Государственной думы кадет Д. И. Шаховской (внук декабриста Ф. П. Шаховского и П. Я. Чаадаева) также гордо заявлял, что он «внук декабриста» и всегда помнит об этом, из рассказов близких о декабристах он «почерпнул непоколебимую веру в правоту либерального дела в России» [5, с. 65].

Много звучало и восхвалений, и обвинений в адрес первых русских революционеров. З. Н. Гиппиус 14 декабря 1917 г., возмущенная тем, что происходило после Октябрьской революции, разочарованная в ожиданиях, размышляла о родоначальниках освободительного движения: «простят ли чистые герои? // Мы их завет не сберегли. // Мы потеряли все святое: // И стыд души, и честь земли». Саму же идею революции, как пишет поэтесса «Мы утопили,

с визгом спора, // Ее в чану Дворца, на дне, // В незабываемом позоре // И в наворованном вине...» [6, с. 260—261].

Примечательное воспоминание оставил историк Ю. В. Готье, которому довелось наблюдать близко революционные события в Петербурге и споры о них. На одном обеде в «Мертвом переулке» бывший действительный статский советник и бывший тамбовский и курский губернатор, член Государственного совета Н. П. Муратов, проклиная революцию и революционеров, как вспоминал Ю. В. Готье «нес такую чушь, что я даже запротестовал: ведь нельзя же обвинять декабристов в современных событиях» [7, с. 168]. Однако многие современники Готье именно в декабризме видели эти истоки русской революционности.

Декабристы привлекали внимание в связи с дискуссиями о месте и роли интеллигенции в истории России, поскольку они положили начало активному утверждению идей свободы личности, гражданственности, правосознания в русском обществе. Авторы сборников «Вехи» и «Из глубины», исследовавшие проблему интеллигенции и революции, отмечали значение декабризма как вехи в истории интеллигенции, [8, с. 27—28]. Появление интеллигенции связывалось с противостоянием передовой общественности и власти. Г. П. Федотов считал, что с Сенатской площади и суда над декабристами начинается разрыв интеллигенции и власти: «14 декабря 1825 г., — писал Г. П. Федотов, — почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции. Здесь совершается ее отрыв от самодержавия, отныне и навсегда покидает она царские дворцы» [9, с. 422]. П. Б. Струве утверждал, что «интеллигенция в русском политическом развитии есть фактор совершенно особенный: историческое значение интеллигенции в России определяется ее отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении» [10, с. 151].

После подавления декабристского движения преследование властями всех подозреваемых в политическом свободомыслии, а также непоследовательная социальная политика самодержавия (от режима Николая I до первой четверти XX в.) способствовали росту раздражения против власти в различных кругах общества. Освободительное движение все более радикализировалось. Появилась политическая агитация А. И. Герцена, движения народников, анархистов, марксистов и разного толка социал-демократов, которые, в отличие от «дворянских революционеров», уже не стремились к компромиссам с властью. В. И. Ленин, например, сетовал, что А. И. Герцен писал в «Колоколе» «слащавые письма» «Александрю II — вешателю», которые ему, Ленину, «нельзя теперь читать без отвращения» [4, с. 501].

Тема декабристов привлекала внимание всех, кто стремился найти причины и истоки трагического раскола русского общества (интеллигенции, народа, власти), приведшего в итоге к нескольким революциям, длительной кровопролитной гражданской войне. Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» высказал мнение, что в стремлениях российской интеллигенции к революции виновата сама верховная власть, «калевившая и роковым образом толкавшая интеллигенцию на борьбу против политического и экономического гнета», вследствие чего «в сознании русской интеллигенции европейские философские... приспособлялись к специфическим интеллигентским интересам». Возлагая на интеллигенцию ответствен-

ность за ее революционные устремления, Н. А. Бердяев вместе с тем подчеркивал, что «русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» [11, с. 25].

С. Н. Булгаков тоже отмечал, что формирование характера русской интеллигенции определило «непрерывное и беспощадное» давление «полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу, и то, что она сохранила жизнь и энергию под этим прессом, свидетельствует, во всяком случае, о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности». Изолированность от жизни, в которую ставила интеллигенцию вся атмосфера старого режима, усиливала черты «подпольной» психологии, поддерживала ненависть к самодержавию. Интеллигенция развивалась в атмосфере непрерывного мученичества, начавшегося с расправы над декабристами [8, с. 29—30].

С точки зрения П. Б. Струве, после пугачевщины и до революции 1905 г. все российские политические движения были «движениями образованной и привилегированной части России», как, например, «офицерская революция декабристов» [10, с. 155]. Струве оценивал декабризм как попытку «перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской политической мысли» и «дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождение крестьян)» [12, с. 239—240]. Трагедия интеллигенции и власти, на его взгляд, состояла в том, что политические реформы слишком запоздали. События декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. положили начало этой трагедии.

Н. А. Бердяев считал, что российская общественная мысль приобрела социальную окраску после поражения декабристов. «Неудача декабристов привела к отвлеченному идеализму 30-х и 40-х гг.» [13, с. 62]. Русские писатели XIX в. творили «не от радостного творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека» [13, с. 63].

Философ русского зарубежья С. А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии», писал, что «восстание декабристов знаменовало собой в культурном отношении разрыв между элитой общества и правящим слоем». Общество стало менее патриотичным, а правящий слой все более бюрократизировался. Дворянская монархия уступило место монархии бюрократической [14, с. 43].

Осмысливая место декабристов в истории российского общества, Н. А. Бердяев писал, что «действительно духовное и освободительное движение было только в очень небольшой группе», не имевшей опоры ни в кругах дворянства и чиновничества, ни в широких массах, веровавших в религиозное освящение самодержавной власти царя. И они были обречены на гибель [13, с. 61]. Г. П. Федотов, напротив, полагал, что «ничто не доказывает, что либеральная дворянская власть была большей утопией для России, чем власть реакционно-дворянская» [9, с. 424].

Н. А. Бердяев видел величайшую заслугу дворянских революционеров в их самоотречении, в отказе от своих сословных привилегий, в свободном подчинении общенародной и общечеловеческой идее [15, с. 75—76]. «Необыкновенную честь русскому дворянству делает то, — писал Бердяев, — что в своем

верхнем аристократическом слое оно создало движение декабристов, первое освободительное движение в России, открывшее революционный век», что «богатые помещики и гвардейские офицеры не могли примириться с тяжелым положением крепостных крестьян и солдат». Декабристы «представляли самый культурный слой русского дворянства» [13, с. 61]. Н. А. Бердяев, отмечал, что «в поколении декабристов было больше цельности и ясности», чем в следующих поколениях интеллигенции. Декабристы были участниками Отечественной войны, заграничных походов, а «для последующих поколений был закрыт опыт политической деятельности». За ними стоял «ужас жестоко подавленного Николаем I восстания декабристов» [13, с. 61].

С. Н. Булгаков обратил внимание на такую характерную черту декабристов как сочетание революционных идей с религиозным чувством. Он противопоставил революционность декабристов как «акт христианского подвижничества» революции «новейшей», основанной на атеизме» [8, с. 54]. Если первая благородно жертвенна, то вторая «страшна именно своей бездуховностью».

В революционную первую четверть XX в. декабристы представлялись часто в романтическом или искаженном свете. Так, Д. С. Мережковский видел в них «уже почти нечеловеческие облики первых пророков и праотцев русской свободы» [6, с. 34]. Он искренне удивлялся покаянным письмам декабристов на имя царя: «Это ли вчерашние мятежники, царубийцы? Революция сползла с них как истлевшее лохмотье, открывая голое тело реакции» [6, с. 140]. По мнению М. О. Гершензона, у декабристов не было «кровных исканий и трагедии духа» [16, с. 58]. Хотя на самом деле декабристы — дворяне, воспитанные все же и на сословных ценностях, — пришли к революционным выводам именно через трудные «нравственные искания» и «трагедию духа» [16, с. 58].

Таким образом, интеллигенты начала XX в. отмечали значительную роль декабристов в освободительном движении, как родоначальников новой политической культуры России. В то же время мнения интеллигентов революционной эпохи о дворянских революционерах были обусловлены духом своего времени. В декабризме находили свои истоки разные направления общественно-политической мысли. Декабристы определили формирование системы ценностей и нравственных принципов русской интеллигенции, в основе которых лежало противоборство общественному злу.

Библиографический список

1. Гессен, С. Я. Декабристы перед судом истории (1825—1925) / С. Я. Гессен. — М.; Л.: Петроград, 1925. — 296 с.
2. Вернадский, Г. В. Два лика декабристов / Г. В. Вернадский // Свободная мысль. — 1993. — № 15. — С. 81—92.
3. Плеханов, Г. В. 14 декабря 1825 года / Г. В. Плеханов // Плеханов Г. В. История в слове. — М.: Современник, 1988. — С. 32—53.
4. Ленин, В. И. Памяти Герцена / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. М.: Изд. политической литературы, 1980. — Т. 21. — С. 255—262.
5. Шацилло, К. Ф. Первая государственная дума / К. Ф. Шацилло // Отечественная история. — 1996. — № 4. — С. 60—71.
6. Мережковский, Д. С. Больная Россия. Избранное / Д. С. Мережковский. — Л.: Изд. ЛГУ, 1991. — 272 с.
7. Готьё, Ю. В. Мои заметки / Ю. В. Готьё // Вопросы истории. — 1991. — № 9/10. — С. 160—185.

8. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 26—68.
9. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. В. Федотов // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 403—443.
10. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 148—165.
11. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. — Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. — С. 6—25.
12. Струве, П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П. Б. Струве // Из глубины. — М.: Изд. МГУ, 1990. — С. 235—250.
13. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990. — С. 43—271.
14. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С.А. Левицкий. — М.: Канон, 1996. — 496 с.
15. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. — М.: Канон, 1998. — 400 с.
16. Гершензон, М. О. История молодой России / М. О. Гершензон. — М.: Мосполиграф., 1923. — IV, 318 с.

Лавринович Дмитрий Сергеевич

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО*

В годы Первой мировой войны Ставка Верховного Главнокомандующего являлась высшим органом управления действующей армией. После вступления в должность Верховного Главнокомандующего Николая II в августе 1915 г., Могилев, где разместились Ставка, стал фактически «второй» столицей Российской империи. Источники позволяют составить представление о месторасположении, кадровом составе, распорядке работы различных подразделений Ставки, образе жизни ее высших чинов. Сохранившиеся свидетельства современников дают возможность раскрыть Николая II в роли Верховного Главнокомандующего, показать его взаимоотношения с армейской элитой, особенности времяпровождения в Ставке, поведение в критические для монархии дни в феврале-марте 1917 г.

В начале XX века Могилев был центром одноименной губернии. По данным переписи населения 1897 г. в городе проживало более 43 тыс. человек, из них около 21 тыс. евреев, около 19 тыс. православных и около 2 тыс. католиков. В 1913 г. работали 170 промышленных предприятий, на которых трудилось 712 рабочих. В торговле и промышленности преобладал еврейский капитал. В городе существовала линия конки, а с 1902 г. проходила железная дорога Санкт-Петербург — Одесса. В Могилеве работали учительский институт, 5 гимназий, прогимназия, духовная семинария, епархиальное и реальное

---

* Статья написана при поддержке гранта БРФФИ, проект «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915—1917 гг.)» № Г17Р-070.